

В. Б. Муравьев

ЛУБЯНКА

ТАМ, ГДЕ БЫЛО
КУЧКОВО ПОЛЕ

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва
2018

УДК 908(470-25)
ББК 70 (2-2Москва)
М91

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента
средств массовой информации и рекламы города Москвы

Рецензенты:

Главный библиограф Государственной публичной
исторической библиотеки России *Ирина Андреевна Гузеева*
Кандидат исторических наук, доцент, заведующий Кафедрой
туризма и культурного наследия РосНОУ,
член Союза писателей России *Александр Иванович Фролов*

Муравьев, Владимир Брониславович

М91 Лубянка. Там, где было Кучково поле. — М.: Кучково поле, 2018. — 416 с.: ил.

ISBN 978-5-9950-0897-2

Лубянская площадь – это целый мир. Мир притягивающий, увлекающий, заинтересовывающий, удивляющий, то демонстрирующий панорамы и картины прошлых веков, то заставляющий задуматься о будущем, то это рассказ о человеческой судьбе, то цепь событий, представляющих поступь истории, то страницы романа, то сцена из комедии – в общем жизнь в ее обычном и необычном, понятном и таинственном многообразии. Книга известного москвовед В. Б. Муравьева знакомит с историко-культурным наследием, сосредоточенным в районе Лубянской площади и улицы Большая Лубянка. Автор знакомит читателя с историей возникновения Лубянской площади, происхождением ее названия, формированием, позволяет по-новому увидеть не только сохранившуюся историческую застройку, но и саму непростую судьбу этого района Москвы, где так тесно переплелись прошлое и настоящее.

УДК 908(470-25)
ББК 70 (2-2Москва)

ISBN 978-5-9950-0897-2

© Муравьев В. Б., 2018
© ООО «Кучково поле», 2018

В этой книге рассказывается о небольшом кусочке территории современной Москвы. В том, что он действительно мал, легко убедиться, если взглянуть на общий план города и отыскать его там. Сейчас на нем уместились одна площадь — Лубянская и две улицы — Большая и Малая Лубянки с их переулками.

Лубянская площадь — это целый мир. Мир притягивающий, увлекающий, заинтересовывающий, удивляющий, то демонстрирующий панорамы и картины прошлых веков, то заставляющий задуматься о будущем, то это рассказ о человеческой судьбе, то цепь событий, представляющих поступь истории, то страницы романа, то сцена из комедии — в общем, жизнь в ее обычном и необычном, понятном и таинственном многообразии. Тут есть всё для любознательного ума и равнодушного сердца.

В Москве, как и в других городах всего мира, наряду с делением на официальные административные районы горожане, постоянные жители города, в свою очередь и по своим соображениям и надобностям, не совпадающим с мнением властей, тоже делили город на топографические местности, которым, естественно, давали свои названия. Эта народная топография в официальных документах не учитывалась, но справедливости ради следует признать, что работала она как ориентир в городе лучше и эффективнее официальной, в результате практически вытесняя ее.

В такую отдельную топографическую единицу в центральной части Москвы в XVI веке выделилась местность, названная москвичами Лубянской. И под этим названием она фигурирует в воспоминаниях москвичей с XVII до 20-х годов XX века.

Давайте заглянем в прошлое Лубянки и обратимся к истории Кучкова поля. Именно с него выдающийся знаток московской старины и археологии Иван Михайлович Снегирев начинает описание московских урочищ в фундаментальной работе «Москва, подробное историческое и археологическое описание города».

«Оно, — пишет И. М. Снегирев, — напоминает нам древнейшего владельца в Москве, боярина Кучку, по имени которого и самая Москва некогда именовалась Кучковым. В XIV веке появившееся в летописях Кучково поле было подгородным, задолго до устройства Белого и Земляного городов; оно простиралось от нынешней Лубянки до Сретенских ворот Земляного города, на большой Владимирской дороге, которая шла по нынешней Сретенской (тогда Сретенской называлась нынешняя улица Большая Лубянка. — *Примеч. авт.*) улице, теперь обставленной церквями, домами и лавками».

Итак, обратимся к истории этой уникальной местности, где тесно переплелись прошлое и настоящее.

ЛУБЯНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Лубянская площадь. Она известна всем и повсюду.

Слева — многоэтажный магазин «Детский мир» (ныне — Центральный детский магазин, ЦДМ — *Примеч. ред.*), прямо — здания госбезопасности, полное официальное название этого учреждения знает не каждый, но народное — Лубянка — знают все; справа — Политехнический музей. Таково сейчас пространство Лубянской площади.

С давних пор эта площадь была многолюдным и оживленным местом, а с появлением трамвая стала самым большим и главным московским перекрестком. Поэтому в памяти москвичей Лубянская площадь лежит совсем «сверху», и чтобы припомнить и представить ее, совсем не надо напрягаться.

Лубянская площадь. Современная фотография

А вот чтобы понять и объяснить, что значит ее название, тут сразу не скажешь, надо подумать....

Во-первых, Лубянская площадь вообще по логике московской исторической топонимики не должна и не может называться Лубянской. Ей определено и предназначено законами этой топонимики иное название, причем известно какое: не Лубянская, а Никольская, потому что в Москве площадь перед проездной башней городской стены всегда называется по названию башни. Пример совсем рядом: соседние площади Китай-города: перед Ильинской башней — Ильинская площадь, перед Варварской — Варварская, а перед Никольской, конечно, должна быть Никольская.

Поэтому первый вопрос: почему Никольская площадь не называется своим именем?

И второй вопрос: а что, собственно говоря, значит «Лубянка»?

Площадь перед Никольскими воротами фактически должна была образоваться сразу после того, как построили башню, в 1535 году. Но наиболее раннее упоминание о ней в письменных источниках относится только к началу XIX века, и названа она Лубянской.

Однако, несмотря на это укрепившееся за ней название, в ее истории сохранялись следы памяти и о том названии, которое она должна бы иметь, — Никольская.

Так, А. А. Мартынов, автор первого труда по московской топонимике «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями», изданного в 1878 году и с дополнениями переизданного в 1881 и 1888 годах, знаток не только документов, но и устных преданий, в статье про Никольскую улицу пишет: «В старину, когда еще не было Лубянской площади, эта улица (то есть Никольская. — *Примеч. авт.*), начинаясь от Красной площади, доходила до церкви Гребневския Божия Матери», значит, до современной границы Лубянской площади, захватывая всю территорию ее...

Но продолжение Никольской улицы после Никольской башни — это ведь не что иное, как следующий отрезок Владимирской дороги. Поэтому проезд, отходящий от ворот вправо, о котором пишет Мартынов, никак не может быть продолжением Никольской, и действительно, он ведет на другую дорогу — Стромьинскую: к Гребневской церкви, к будущей Мясницкой

улице. Думается, что здесь Мартынову важно было указать, что площадь «в старину» не называлась Лубянской и что она была зоной притяжения Никольской башни и тем самым Никольской улицы.

Об этом же, о Никольской зоне, говорят и другие свидетельства, прежде всего топонимики, которая тогда была отражением живой московской речи и московских мнений.

В московской топонимике существует старинное, употребляемое и в настоящее время не прямое название места, но в какой-то степени заменяющее его ориентирующее адресное указание с предлогами «у», «на», «в».

Местность возле крепостной башни называлась при помощи предлога «у». Говорят «у Никитских ворот», и перед глазами сразу встает здание «ТАССа», «Кинотеатр повторного фильма», храм, в котором венчался Пушкин... Аналогично воспринималась подобная топонимическая форма и в XVIII веке, когда А. Т. Болотов, говоря о месте жительства Н. И. Новикова, дом которого стоял на месте сквера перед Политехническим музеем, указывает его адрес: «У Никольских ворот».

Необходимо разобраться и со значением названия «Лубянская». В статье «Лубянка Большая, улица», А. А. Мартынов замечает, что «здесь *название Лубянки* существует очень давно». В справочнике 1796 года «Исторические известия о всех церквях города Москвы, собранные из показаний духовенства и начальства при оных обретающегося, також и надписей и из летописей Российских» местоположение «Гребневския Пресвятыя Богородицы», находившейся на этой площади, определяется двумя, видимо, одновременно сосуществующими и известными москвичам ориентирами: «церковь, что на *Лубянке у Никольских ворот*».

В той же работе А. А. Мартынов дает и свое «историческое объяснение» значения названия «Лубянка»: «Объяснение ему мы находим не ранее 1804 года, когда на Лубянской площади отдавались от города места для торговли овощами и фруктами в *лубяных шалашах*; торговля эта продолжалась впоследствии в деревянных лавках до времени построения на Лубянской площади Политехнического музея».

Впервые официально название «Лубянская площадь» было зафиксировано на плане Москвы, составленном Хотевым в 1852–1853 годах, значит,

к этому времени этот топоним уже приобрел всеобщее признание. Поскольку до революции никаких официальных постановлений о названиях властью не принималось и не публиковалось (за исключением нескольких единичных царских указаний), то появление названия на плане является документальным источником о нем.

В 1880-е годы, кроме происхождения названия Лубянской площади, предложенного А. А. Мартыновым, существовало еще несколько вариантов объяснений этого очень древнего топонима. Обзорение этих вариантов содержится в книге «Указатель улиц и домов столичного города Москвы», изданной в 1882 году «по распоряжению Московского обер-полицмейстера генерал-майора Козлова». Кроме официальных сведений о местоположении улиц, о принадлежности их к той или иной полицейской части, о домовладельцах в книге имеются краткие «сведения исторического происхождения наименования улиц, площадей и других мест».

По названию «Лубянка» в статье «Лубянка Большая, улица» приводится несколько вариантов его происхождения.

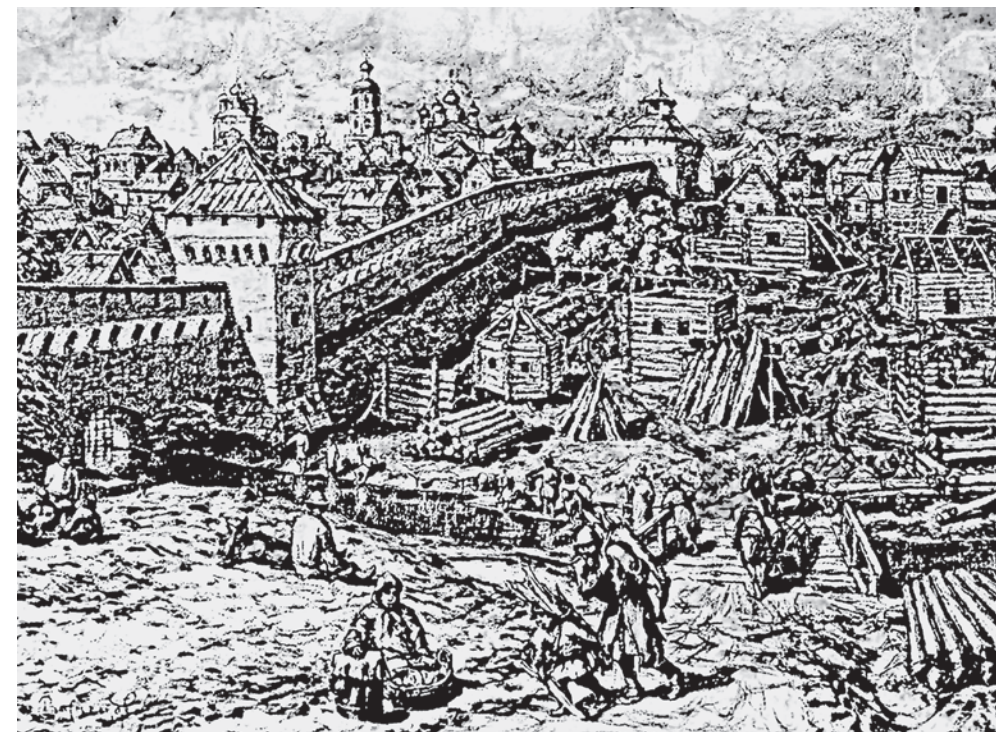
«Названа она от бывшего урочища Лубянка, что могло означать местность, на которой снимали с деревьев лубок или лубнику». В этом варианте время рождения названия должно быть отнесено к очень давним временам XII–XIII веков, когда здесь был лес и росли деревья, с которых можно снимать луб.

«Также могла называться от военных принадлежностей, существовавших под именем лубы, которые выделывались в этой местности, или от лубяных щитов, употреблявшихся в старину при пожарах». Плетенные из корней и лыка лубяная броня, лубяные доспехи существовали на Руси в Средние века наряду с кожаными.

«А также полагают, что новгородцы были поселены издревле в Москве на этом месте, и в память своей отчизны, Новгорода, построили Софийскую церковь и дали название этой улицы Лубянки по имени таковой же улицы, находившейся в Новгороде». Это объяснение до сих пор привлекает топонимистов, но вызывает и сомнения. Я. З. Рачинский в «Полном словаре названий московских улиц» (2011) замечает: «Однако решительно ничто не указывает на поселение новгородцев именно здесь».

Я. З. Рачинский, отвергая вариант с новгородцами, пишет: «Гораздо более правдоподобно, что название связано с лесным рынком, который был здесь в начале XVII в.». Он имеет в виду Лубяной торг — площадку, где продают бревна и срубы. Вспомните картину А. М. Васнецова «Лубяной торг на Трубе». Но заканчивает изложение своего взгляда Я. З. Рачинский почти отрицанием: «Впрочем, название Лубяной торг, похоже, выдуманно — в документах его обнаружить не удалось».

Дополнительную трудность здесь составляет смысловое содержание слова «Лубянка». Автор очерка «По Белому городу» в путеводителе «По Москве» (1917 г.) Н. А. Гейнике приводит версию новгородского происхождения названия Лубянки, а в заключение добавляет: «возможно, что на-

А. М. Васнецов. Лубяной торг на Трубе в XVII веке. 1926

звание Лубянка происходит из Новгорода, но что оно значило там, установить очень трудно».

В этой истории есть еще одно странное обстоятельство: новгородцы были переселены в Москву Иваном III в 80-е годы XV века, ежели они называли улицу, то уж, конечно, сразу по прибытии, а название «Лубянка» появляется в Москве почему-то лишь два столетия спустя — в XVII веке, это говорит о том, что название «Лубянка» по своему происхождению не имеет отношения к тем новгородцам, а местное, московское.

Чтобы разобраться во всем этом, начнем с документов о московском топониме «Лубянка».

Первое неоспоримое сведение о существовании в Москве названия Лубянки относится к 1658 году и содержится в описании приезда в Москву грузинского царя, который шел «от Сретенской улицы по Лубянке».

Вид с Лубянской площади на Никольские ворота Китай-города.
Фотография. 1895–1896

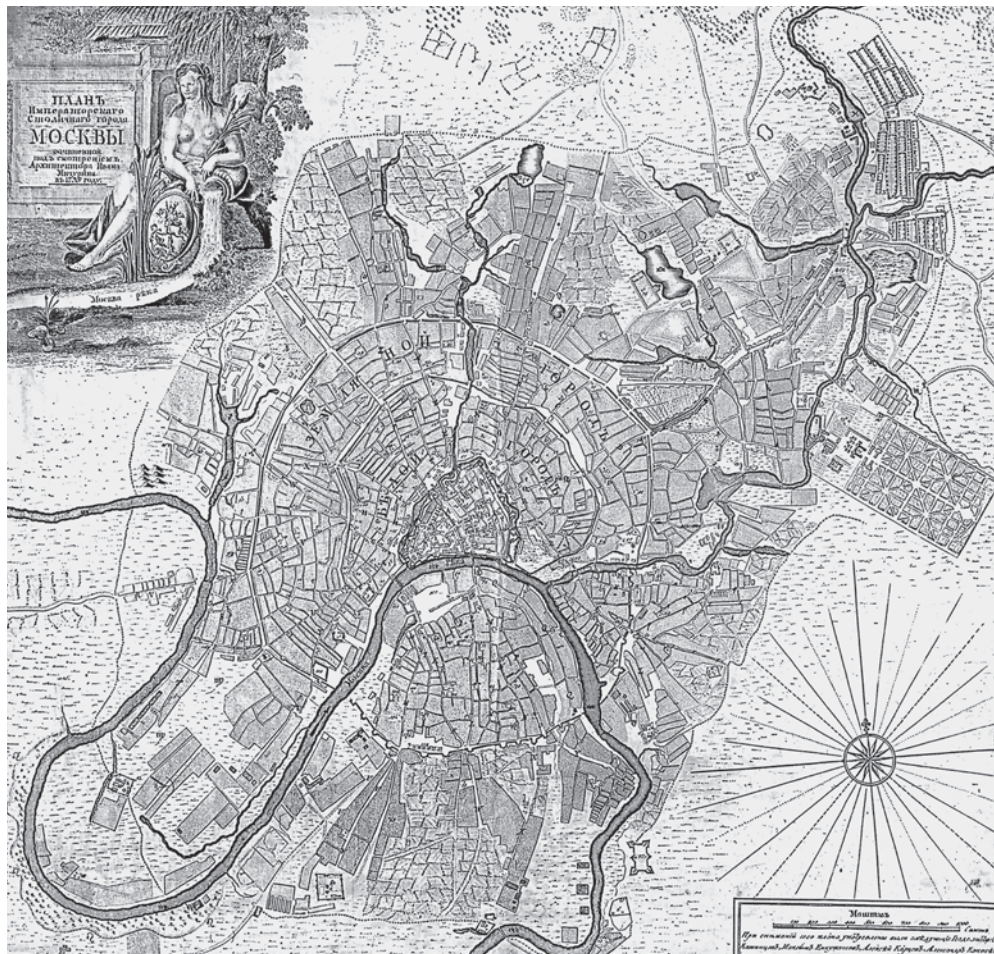

Василий Григорьевич Рубан. 1786

Второй документ — книга: «Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе звание Государственных Ворот, казенных и деревянных Мостов, больших Улиц и Переулков, Монастырей, Церквей, Дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских Дворов и Покоев, Рядов и Рынков, Фабрик, Заводов и прочая. Собранное и изданное в свет для удовольствия общества издателем Описания Санкт-Петербурга, г. н/адворным/ с/советником/ В. Г. Рубаном. В Санкт-Петербурге, 1782».

Книга В. Г. Рубана является первым по времени справочным изданием по Москве.

Автор ее, Василий Григорьевич Рубан, родился в Белгороде в малороссийской семье, в юности учился в московской гимназии для разночинцев,

Первый геодезический план Москвы 1739 г.
Составлен под руководством архитектора И. Ф. Мичурина

затем в Московском университете, среди его товарищей по университету были Д. И. Фонвизин, И. Ф. Богданович. Окончил университет с золотой медалью. Затем служил в Петербурге, был «в секретарской должности» при светлейшем князе Г. А. Потемкине, имел довольно высокий чин, писал сти-

Фрагмент плана 1739 г.

хи, издавал журналы, справочные издания. В «Описании... Москвы» при всей его справочности чувствуется личное теплое отношение к городу, хорошее знание его улиц и переулков и что автор пишет о них, не только изучая геодезические планы, но и по собственному опыту хождения по ним.

В «Описании... Москвы» Рубан упоминает Лубянку несколько раз.

Первый раз в общем перечислении Больших улиц и переулков при них, входящих в Первую полицейскую часть, он называет Лубянку в разделе «Большие улицы» (переулков при ней нет).

Затем в более детализированном «Повторительном, но яснейшем описании» приводятся топографические объяснения местоположения улиц и переулков, в соотношении с другими известными московскими ориентирами, здесь указывается Большая Лубянка — улица по трассе Владимирской дороги и ее ответвление или переулок.

«От Никольских ворот налево, мимо Рязанского подворья до Пушечного двора, а вправо по улице церкви Введения во храм Пресвятыя Богородицы — Лубянка.

От Лубянки прямо до Сретенских ворот, где и Стретенский Мужской монастырь стоит — Стретенская улица или Стретенка.

От начала большой Стретенской и окончания Лубянки, до Кузнецкого Моста — Кузнецкая; иные оную Лубянкою же называют».

«Описание...» Рубана отметило одно из самых интересных явлений внутренней жизни московских названий: изменение названия улицы или пе-

реулка в связи с изменением народного ориентира для этой местности, связанного с появлением на ней чего-то нового и, главное, широко известного во всей Москве.

Топонимисты XIX века пишут о первоначальном урочище *Лубянка*, то есть не о конкретной улице, а некоей местности. Рубан дает возможность определить его примерные границы: площадь за Никольскими воротами Китай-города до церкви Введения, имевшей народное название «во Псковичах», то есть построенная переведенными сюда из Пскова Иваном III жителями (именно это обстоятельство и питало мысль о жительстве здесь новгородцев), и территорию, расположенную левее к Неглинной, часть нынешнего Театрального проезда.

Улицы, являющиеся прямым продолжением торговой Никольской улицы, естественно, тоже должны были стать торговыми. И они стали такими, но торговля здесь шла другая, чем на Никольской, там оптовая с конторами и банками, а здесь розничная, товарами, удовлетворявшими повседневный спрос обывателя, — овощами, продуктами, дровами. Возникла эта торговля здесь, видимо, вскоре после Смуты, в начале XVII века, а в середине этого же века уже организационно сформировались и традиционные ряды и улицы. Это место стало общегородским рынком.

В XVIII веке здесь же во время коронационных торжеств устраивались народные гулянья. В 1797 году при коронации Павла I угощали народ. «Для народа был обед, — вспоминает Е. П. Янькова, — начиная от Никольских ворот, по всей Лубянской площади были расставлены столы и рундуки с жареными быками; фонтанами било красное и белое вино...»

После пожара 1812 года в Москве была создана «Комиссия для строений в Москве», задачей которой стало восстановление города. В нее вошли известные архитекторы, руководил ею московский генерал-губернатор. Кроме собственно восстановления, Комиссия разрабатывала также и планировку города, его частей.

По площади перед Никольскими воротами Комиссия приняла такое, обоснованное московской традицией, решение: «На сей площади, кроме народных увеселений и гулянья, бывает в осеннее время единственный во всем городе из отдаленных губерний привоз и торговля в балаганах фрук-

тами, а по торговым дням большой съезд с дровами, почему и признается нужным сию площадь увеличить и по местоположению *наименовать Никольскую*, к распространению и регулированию оной назначить в сломку три каменные корпуса, из коих два ветхие, и деревянные, в противность закона, воспреещающего в Белом городе таковую постройку, сделанные, питейный дом и три обывательских флигеля, в крайней ветхости состоящие, и отрезать часть владельческих порозжих земель».

Регулировка площади была произведена, а вот наименование площади Никольской, предложенное Комиссией, москвичи не приняли, и площадь осталась под своим традиционным названием — Лубянка.

К этому времени она уже называлась Лубянкой по крайней мере полтора века: именно по ней (по той, которую, как сообщает Рубан, называют Кузнецкой, а иные «Лубянкою называют») в 1658 году, как сказано выше, провозили грузинского царя.

Слово «луб», означающее, по объяснению В. И. Даля, «подкорье, исподняя кора», то есть всем хорошо известную недревесневешую поверхностную часть дерева, и производные от него «лубяной, лубянка», не принадлежат новгородскому, московскому или какому-либо другому областному говору, оно — общерусское, общеславянское, а корень этого слова обнаруживается и других индоевропейских языках. Область применения луба разных лиственных деревьев широка, он использовался для разных поделок: посуды, корзин, для письма (в основном береста) и применялся широко в строительстве.

Постройки из луба были достаточно крепкие и основательные; в известнейшей сказке про хитрую лису и умного зайца заячья лубяная избушка выступает как символ крепкой и хорошо приспособленной для жилья постройки. Среди торговых помещений русского торгового наряда с лавками, полулавками, шалашами, скамьями в описях XVI–XVII веков фигурируют очень распространенные тогда *лубеники*; например, на Муромском посаде в 1574 году было «а всего 6 лубеников живущих, а в пусе 5 лубеников». Именно такими лубениками были застроены торговая улица, продолжавшая Никольскую улицу за ее пределами в Белом городе по трассе Влади-

При историческом подходе к вопросу о территории Лубянской площади выясняется, что Лубянка как историческое урочище доходило до нынешнего пересечения Большой Лубянки с улицей Кузнецкий Мост (об этом уже говорилось выше). А по событийной логике эта территория более связана с площадью, чем с продолжающейся за этим перекрестком улицей.

Улица Большая Лубянка. Вид в сторону центра, справа — угол Варсонофьевского переулочка. Фотография начала XX в.

Миновав Никольские ворота Китай-города, Владимирская дорога продолжает свой путь по улице, которая теперь называется Большой Лубянской. В разные времена эта местность называлась по-разному: Кучково поле, Сретенская улица, Лубянка, Большая Лубянская улица, улица имени Дзержинского или просто — улица Дзержинского и, наконец, с 1991 года снова Большая Лубянка.

За каждым из этих названий улицы стоит определенный период ее истории, характерный своими чертами, событиями, особым духом и внешним обликом улицы: Кучково поле — совсем не то, что Сретенская, или, в народно-разговорном употреблении, Устретенская и просто — Сретенка, а Большая Лубянка совсем не похожа на улицу Дзержинского. Названия улицы — как названия глав ее истории, и каждая глава оставила на нынешней, современной улице какую-нибудь памятку о себе: или зримую — здание, остатки старых стен, вошедших в новую кладку, или незримую — на страницах истории и в преданиях, в народной памяти, что еще долговечнее и крепче, чем камень.

Любой человек воспринимает все под углом личных впечатлений и собственного опыта, поэтому близкие по времени события обычно в большей или меньшей степени закрывают и искажают в его сознании историческую перспективу. Так произошло и с нами, с поколениями, жизнь которых хотя бы частично пришлось на советские годы. В нашем сознании почти тысячелетнюю историю Большой Лубянки, одной из старейших московских улиц, закрывает обосновавшийся на ней в 1918 году с его тюрьмами, расстрельными подвалами, следственно-пыточными кабинетами «важнейший, — по словам В. И. Ленина, — боевой орган Советской власти» — ВЧК, ГПУ, НКВД, МГБ и т. д., в разное время менявший название, но, по сути дела, остававшийся неизменным. Эта «организация» застроила улицу и окрестные переулочки своими огромными надстроенными, перестроенными и вновь возведенными зданиями «в архитектурном, — как назвал его современный журналист, — стиле КГБ». Этот журналист говорит: «Улица, отделанная мрамором кладбищенских цветов, улица крематорских пропорций... У улицы была своя история, своя эстетика, свое добро. Уже нету. И москвичи обходят ее стороной». Сказано справедливо, именно так и вос-

принимал ее в течение долгих десятилетий — и зрительно, и психологически — москвич. Однако за последние годы общественная атмосфера в стране претерпела большие изменения. Оказалось: то, что велено было забыть, — не забыто, чего, говорили, уже нет, — сохранилось. И все более и более проявляется в памяти и пополняется фактами настоящая история Большой Лубянки — история давняя и недавняя...

Но и от мрачных призраков советской Большой Лубянки — улицы Дзержинского — отделаться невозможно.

Большая Лубянка начинается зданиями «в стиле КГБ». Справа — дом № 2 — боковой фасад надстроенного и перестроенного здания страхового общества «Россия», о котором уже говорилось в главе «Лубянская площадь», и пристроенный к нему вплотную в 1933 году новый огромный

Фасад здания ФСБ со стороны Фуркасовского переулка. Современная фотография

корпус, выходящий фасадом в Фуркасовский переулок. Архитектор пристройки, а фактически совершенно нового здания ГПУ А. Я. Лангман (в соавторстве с И. Г. Безруковым) может считаться создателем «стиля КГБ»; позднейшие здания этого ведомства, какие бы архитекторы их ни строили, придерживались именно этого стиля. Сразу после возведения нового здания ГПУ архитектурная критика нашла в нем отдельные недостатки: нарушение ансамбля, отсутствие единства в решении фасада, несогласованность с соседней застройкой. Но заказчик был доволен, критики смолкли, а Лангман получил новый большой заказ на строительство теперь уже жилого дома ГПУ в Златоустовском переулке на месте снесенного монастыря.

В очерке об А. Я. Лангмане, напечатанном в коллективном труде «Зодчие Москвы. XX век» (1988 г.), отмечена такая особенность творческой деятельности архитектора: «Показательно, что имени Лангмана мы не встретим среди имен участников важнейших всесоюзных конкурсов: он был занят строительством». Действительно, Лангман строил и общественно-административные, и жилые объекты, среди них такие крупные, как здание Госплана в Охотном Ряду, стадион «Динамо» и другие, не подвергая себя конкурсному риску, потому что, сориентировавшись в самом начале своей столичной карьеры (он приехал в Москву из Харькова в 1922 году), выбрал могущественного хозяина и покровителя — ГПУ.

В 1922–1923 годах Лангман строит в одном из переулков Лубянки жилой дом для работников ГПУ. «Маленький трехэтажный, на несколько квартир, почти особняк, — так описывает его специалист-искусствовед, — характерен удачным сочетанием конструктивистской рафинированности объема и отзвуков модерна в деталях. Два круглых эркера увенчаны профилями, на боковом фасаде — круглое окно, один из излюбленных мотивов архитектора».

В этом доме, который чекисты между собой называли «ягодинским особняком» (Милютинский переулок, 9), жила верхушка ГПУ, в него имели доступ лишь немногие, и жизнь в нем была покрыта тайной. Однако, как вспоминает старый чекист М. П. Шрейдер, «большинству оперативных работников ОГПУ конца 20-х так или иначе становилось известно об устраиваемых на квартире Ягоды шикарных обедах и ужинах, где он, окружен-

ный своими любимчиками, упивался своей всевозрастающей славой. Я никогда не бывал в ягодинском особняке, но еще в середине двадцатых слышал от начальника административно-организационного управления ОГПУ Островского, что начальник строительного отдела ОГПУ Лурье, бывший соседом Ягоды, несколько раз перестраивал жилище будущего шефа НКВД. В конце двадцатых в этом доме жили также семьи тогдашнего начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Артузова, начальника секретного отдела ОГПУ Дерибаса, начальника иностранного отдела Трилессера, а также Агранова».

Этим особняком Лангман удовлетворил желание начальников ОГПУ жить «красиво» и удобно и после этого становится ведомственным архитектором органов.

В упоминавшемся выше труде «Зодчие Москвы» в итоговой оценке творчества А. Я. Лангмана особенно подчеркивается его гуманизм: «Дома, спроектированные Лангманом, вообще отличались комфортом... Его дома замечательны тем уважением к человеческой психологии и антропометрии, которое присуще, вероятно, лишь опытным архитекторам и вдумчивым врачам. Лангман проектировал, как водится, методом подстановки, перевоплощения — для заказчика, как для себя. У него была репутация аккуратного и внимательного к пожеланиям заказчика профессионала».

Судя по описаниям, квартиры, построенные Лангманом для чекистов, действительно были хороши, удобны, просторны («для Москвы того времени были, — считает автор очерка, — роскошью»). Но нельзя не отметить, что тюремные одиночки в подвалах «дома Наркомвнудела» тоже строились с учетом «человеческой психологии и антропометрии». Они представляют собой глухие каменные мешки — «боксы» — с пристенной каменной лежанкой, но такой длины, что невозможно вытянуть ноги, поэтому человек не мог спать нормально и, промаявшись ночь, к утру был разбит. Он не имел возможности определить даже время суток. Через камеру шла труба парового отопления, включая которую, тюремщик мог превратить камеру в дезинфекционную прожарку, а выключая — в холодильник. Лангман действительно был и «психологом», и «внимательным к пожеланиям заказчи-

«Ягодинский особняк». Милютинский переулок, д. 9. Современная фотография

ка профессионалом» — его «бокс» эффективно угнетающе воздействовал и на физическое состояние, и на психику арестованного.

Нечетную сторону Большой Лубянки начинает занимающее целый квартал и загибающееся двумя крыльями на Пушечную улицу и Кузнецкий Мост здание также «в стиле КГБ». На крыле, обращенном на Пушечную улицу, укреплен металлическая литая доска с надписью, которая эвфемистически (как будто каждый прохожий не знает, что находится в этом здании!) объясняет назначение постройки и сообщает имена архитекторов: «Административное здание. Сооружено под руководством архитекторов Палуя Б. В., Макаревича Г. В. Ноябрь 1977 г. — декабрь 1982 г.».

Под строительство этого «административного здания» были снесены имевшие в своей основе постройки XVII–XVIII веков старые дома по линии Пушечной улицы, Большой Лубянки, Кузнецкому Мосту и во внутренних дворах.

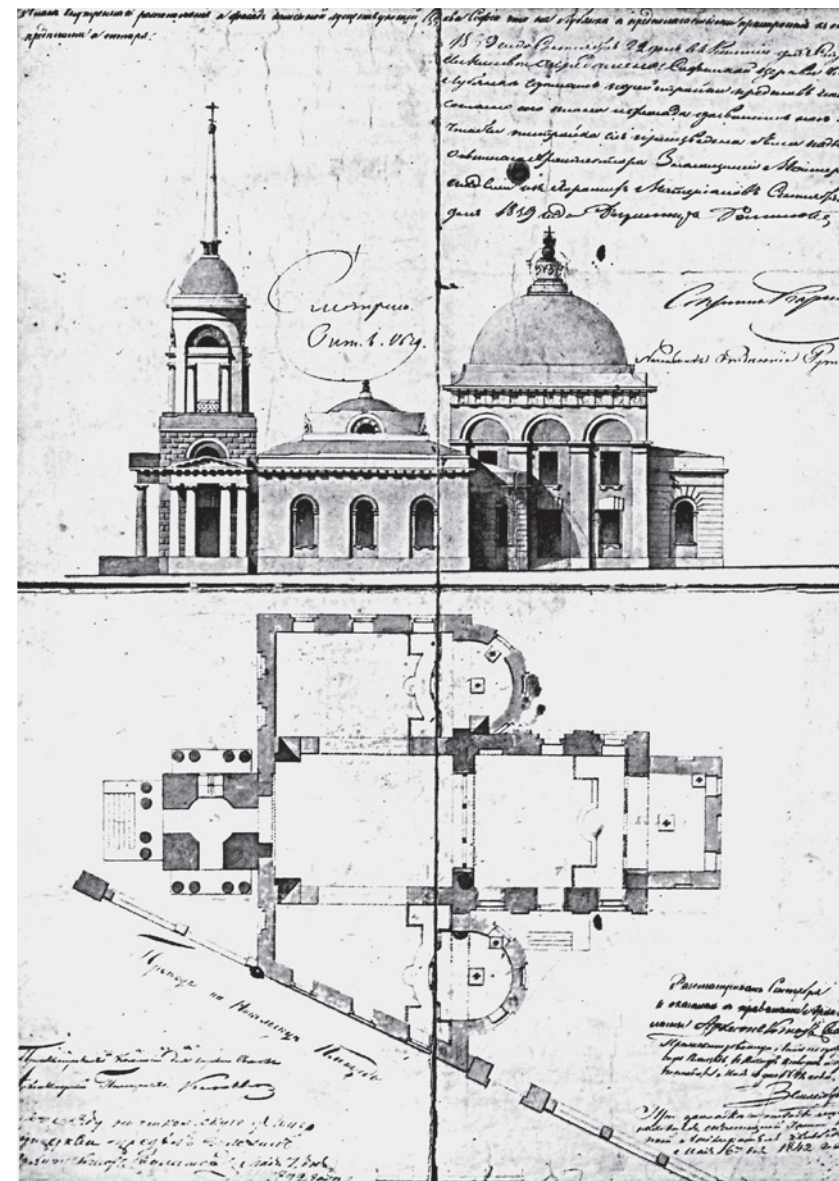
От места, занимаемого ныне этими двумя зданиями, начинающими Большую Лубянку, и пошло существующее до сих пор название улицы — Лубянка.

В конце XVIII века на планах Москвы Лубянкой обозначалась эта перпендикулярная улица, а нынешняя Большая Лубянка писалась *Сретенкой*, или *Устретенской улицей*. Но в конце XVIII — начале XIX века часть Сретенки от Лубянской площади до пересечения с нынешним Кузнецким Мостом и имевшую, подобно ей, бойкий торговый характер, москвичи стали называть тоже Лубянкой. Это название к середине XIX века распространилось далее по улице до площади Сретенских ворот нынешнего Бульварного кольца. Тогда же к ее названию было прибавлено определение Большая, чтобы не путать с проложенной параллельно ей улицей, в обиходе называемой также Лубянкой, которая, в свою очередь, получила уточняющее добавление — Малая. В этих границах Большая Лубянка существует и в настоящее время.

Однако до настоящего времени на Большой Лубянке осталась живая память о старинном ее названии: это — *Сретенский переулок*, выходящий на нее с правой стороны. Названия московских улиц и особенно переулков, то есть проездов и проходов между улицами, часто указывали направление — куда они ведут.

Голицынский дом

В XV–XVI веках между Лубянкой и рекой Неглинной находился Пушечный двор (память об этом — название улицы Пушечной), на нем лили пушки, колокола, монументальные храмовые паникадила. Здесь литейный мастер Андрей Чохов в 1586 году отлил Царь-пушку. Во второй половине XVII века Пушечный двор перевели на новое место — за Земляной город к Красному пруду, а земли были розданы частным владельцам под усадьбы и сады. Так появились здесь дворы князей Волконских, Голицыных, Урусо-

Проект перестройки церкви Софии Премудрости Божией. 1839

Шохин Николай Александрович — 99
Шрейдер Михаил Павлович — 135
Штернберг Павел Карлович — 276
Шумаев Григорий Семенович — 345

Щ

Щепкин Вячеслав Николаевич — 182
Щепкин Михаил Семенович — 146, 266, 269
Щепкин Николай Михайлович — 266–269
Щербатовы, князя — 35
Щуров М. П. — 57
Щусев Алексей Викторович — 90

Э–Ю

Эйбушиц Семен Семенович — 391
Эйдук Александр Владимирович — 289, 297, 309
Юон Константин Федорович — 25–26, 71
Юрий Владимирович Долгорукий, князь — 322

Я

Яблочков Павел Николаевич — 104
Ягода Генрих Григорьевич — 87
Языкова, коннозаводчица — 60
Языков М. Д. — 183
Яковлев Александр Николаевич — 310
Янькова Елизавета Петровна — 192, 194, 226

Превращение Кучкова поля в Лубянку	5
Лубянская площадь	7
Старейшее здание Лубянской площади	27
Политехнический музей	95
Памятник жертвам политических репрессий	114
Магазин «Детский мир»	125
Большая Лубянка	132
Голицынский дом	138
Палаты Хованских	163
Дом «Динамо»	166
Дом Ростопчина	185
Сретенский монастырь	312
Бывшая Сретенка	382
Список литературы	399
Именной указатель	402